

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 11

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2018

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Кокшин – Актуальная недостоверность как фактор войны.....	5
Р.С. Гаджиев – О содержании понятия социокультурных систем.....	16
А.В. Дьяков, А.М. Соколов – Государственный суверенитет в пространстве философской рефлексии: цивилизационные стратегии и биополитика	25

Философия, религия, культура

Р.Г. Апресян – К вопросу о концептуализации морали в ранненовоязременной философии.....	35
А.В. Прокофьев – Универсальность как свойство моральных явлений.....	47
Е.В. Петровская – Мыслить образами. От иконы к динамическому знаку.....	57

Философия и наука

Н.М. Смирнова – Когнитивные презумпции анализа творчества.....	65
Е.Н. Шульга – Философские концепции жизни и значение герменевтики в понимании сущности живого.....	76
Е.Н. Князева – Биосемиотика: истоки междисциплинарного направления.....	86
С.В. Пирожкова – Прогнозирование и его место в системе научного знания.....	99

Из истории отечественной философской мысли

Т. Оболевич, А.С. Цыганков – Свидетели «великого перелома»: переписка С.Л. Франка и А. Эйнштейна	111
Переписка С.Л. Франка и А. Эйнштейна	117
В.К. Кантор – От «молчания мертвых» к «говорку винтовок» (к позиции Семена Франка в русских революциях 1917 года).....	142
С.М. Климова – Семен Франк о Льве Толстом : «ведающее незнание».....	152

История философии

Н.В. Мотрошилова – М. Хайдеггер – «двуликий Янус» философии: «Черные тетради» 1942–1948 гг. (статья первая).....	165
А.В. Парибок – О философской оправданности хайдеггеровского обращения с языком.....	176
С.Л. Бурмистров – Учение йогачары о сознании-сокровищнице и понятие причинности в индийской философии.....	190
А.В. Ложкина – Концепция взаимозависимого возникновения (пратитья-самутпада) в текстах палийского канона.....	202
Т.Г. Щедрина, И.О. Щедрина – «Общительный философ»: Ксавье Леон – модератор интеллектуального сообщества.....	213

Научная жизнь

А.А. Грякалов, С.И. Дудник, В.В. Савчук – Как возможна философская премия в России.....	223
Contents.....	231

К вопросу о концептуализации морали в ранненовременной философии*

Р.Г. Апресян

В раннее Новое время (XVI–XVIII вв.) моральная философия переживает существенные изменения — в ней нарастает оппозиция теонормному пониманию морали, изменяется взгляд на источник и характер повелевающей силы моральных представлений, на условия возможности морали, способность человека к моральному образу мысли, критерий моральных различий. Меняется представление о предмете моральной философии; по-другому проблематизируется мораль как таковая. При этом развитие содержания, ассоциирующегося со сферой морали, не всегда было непосредственно связано с проработкой собственно понятия «мораль». Обобщенное понятие морали вбирает в себя содержание, разрабатываемое в разных теоретических контекстах и на различном материале. В целом в процессе формирования обобщенного понятия «мораль» ранненовременная философия переносит фокус своего внимания с добродетелей и обязанностей на мораль (включающую в себя как добродетели и обязанности, так и иные отнесенные к морали феномены).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ранненовременная моральная философия, этика, концепция морали, теории естественного права, теонормная этика, моральная способность, нормативность, Ф. Йодль, А. Макинтайр, О.Г. Дробницкий, С. Даруэлл.

АПРЕСЯН Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Сектора этики Института философии РАН.

apressyan@iph.ras.ru.

Статья поступила в редакцию 2 мая 2018 г.

Цитирование: Апресян Р.Г. К вопросу о концептуализации морали в ранненовременной философии // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 35–46.

Постановка вопроса о концептуализации феномена морали в ранненовременной философии¹ нуждается в разъяснении, хотя бы кратком. Речь не о том, что до Нового времени не было концепции *морали*, *морального* и она формируется благодаря усилиям философов новой эпохи, но о том, что в Новое время не только трансформируется представление о морали, моральном, но и происходит репроблематизация моральной философии, репроблематизация сферы морального, смещение фокуса морально-философского рассуждения на феномен морали как таковой. Предпосылки этих перемен можно проследить уже в трудах представителей поздней схоластики, но явно, хотя и в разных формах, эти перемены явили себя именно в ранненовременной философии.

Это прослеживается на уровне философской лексики. Слово «*moralitas*» впервые встречается в трудах Тертуллиана и Амвросия Медиоланского². У Фомы Аквинского предшествующая «*moralitas*» лексическая форма «*moralis*» широко используется для обозначения ценностного (благого и злого), человеческого, обусловленного (заданного)

Статья написана в рамках проектного исследования по гранту РФФИ № 18-011-00297.

© Апресян Р.Г., 2018 г

разумом, намеренного [McInerny 1997, 1–11]. Но все же термин «moralitas» постепенно получает свое современное, знакомое нам значение в Новое время. Это происходит в процессе вычленения понятия «moralitas» из ряда родственных по содержанию понятий — «virtus» (добродетель), «jus naturale» (естественное право), «probitas» (порядочность, моральная стойкость), «rectitudo» (прямота), «honestas» (моральная красота) и др., широко использовавшихся в моральной философии. «Moralitas» все больше резервируется, с одной стороны, для обобщенного обозначения определенного круга явлений, прежде всего, императивно значимых ценностей, ориентирующих на благо других (человека, социума), и способа индивидуального самоопределения к ним, в идеале самосознательного и свободного, без чего невозможно совершенство личности, а с другой, для выделения особенных в своем роде феноменов, соотносимых с этими ценностями — императивов, обычаев, поступков, качеств характера.

1

Косвенным свидетельством перемен в ранненововой моральной философии может служить характер распространения этической лексики в литературе того времени³. В первой трети XVIII в. наблюдается небывалый всплеск морально-философских дискуссий, в особенности на британской почве. Это отразилось на общей дискурсивной ситуации. Благодаря Google Books Ngram Viewer (GBNV) — онлайн-сервису, позволяющему строить графики лексической частотности на основе корпуса печатных источников, собранных в Google Books, — можно видеть, что в период 1660–1680-х гг. и в значительной степени начиная с 1700-х гг. вплоть до последней трети XVIII в. наблюдается неуклонное распространение этической тематики в просвещенной речи. Употребление слова «morality» увеличилось более чем в 15 раз. Аналогичная динамика наблюдается в отношении и таких слов, как «virtue» и «benevolence». Эти данные получены в GBNV на запросы по английским терминам, и мониторингу подверглись книги только на английском, между тем как в XVII в. большинство морально-философских сочинений написаны на латыни. Мониторинг не позволяет определить соотношение частотности употребления терминов и количества изданий за соответствующий период времени в собрании Гугл. Однако спад частоты употребления названных терминов в последние два десятилетия XVII в. и в особенности в последние два десятилетия XVIII в., когда никак нельзя ожидать снижения числа изданий, говорит о том, что, хотя и в первом приближении, GBNV четко улавливает тенденции. Заслуживает внимания, что GBNV позволяет установить, по каким книгам, имеющимся в хранилище Гугл, производится мониторинг и подсчет лексической частотности. По указанным запросам видно, что в основном это проповедническая литература. Данный факт показателен. Как показал Дж. Уотлз, в это же время, в последней трети XVII в., вырабатывается и концептуализируется термин «Золотое правило», и этот процесс происходит именно в английской проповеднической литературе [Уотлз 2016, 151–155]. Правило, известное в наиболее развитой версии по Евангелию от Матфея (7:12), еще обозначается как «Золотое правило этики (или морали)», поскольку в нем с значительной полнотой передается основное смысловое содержание морали. Примечательно, что потребность в номинации этого правила совпадает по времени с началом выработки обобщающего понятия морали.

2

Становление самостоятельной моральной философии — многофакторный процесс. Разные исследователи акцентируют в нем разные аспекты.

Ф. Йодль, автор знаменитого в прошлом фундаментального двухтомного труда об истории этики в Новое время, выделял в качестве одного из стимулов в развитии нововременной моральной философии переосмысление связи морали и религии. Вопрос о соотношении морали и религии был для него одним из ключевых при рассмотрении этических учений от П. Шаррона до Дж.С. Милля, и освобождение морального рассуждения от теологической аргументации, отделение моральных принципов от положений религии, апелляция к природе в объяснении и обосновании морали Йодль рассматривал в качестве важнейшего проявления становления новой моральной философии. Другим таким проявлением был поворот к «психологическим» началам морали —

повышение внимания к связи морали с душой человека, его способностями и качествами, нежели к месту морали в мироздании, к воплощенности в ней «вечного закона» [Йодль 1896]. В этом ключе психология морали последовательно противопоставлялась им метафизике морали.

А. Макинтайр также усматривает проявление нового взгляда на мораль в разведении морали и религии. Однако, по его мнению, противопоставление морали религии проводилось в более широком контексте выделения морали из сферы нормативности, ее рационального обоснования как особого рода правил, отличных от религиозных, а также от правовых и «эстетических» (в кьеркегоровском смысле). Располагаясь в пространстве культуры, мораль, согласно нововременному представлению, своеобразна не только в нормативном плане, но и как разновидность практической мотивации, целеполагания, и в этом отношении она определено отличается от благоразумия, целесообразности, стяжания пользы или счастья [MacIntyre 2007, 39]⁴.

О.Г. Дробницкий связывал процесс формирования философского понятия морали в Новое время с постепенным усилением внимания к *специфике* морали. Учитывая интерес самого Дробницкого к задаче спецификации морали⁵, следует отметить, что, говоря о формировании морали в Новое время, он концентрировался не столько на попытках концептуального выделения морали из сферы социальной нормативности, сколько на предметизации морали, установлении ее особой области. Нововременная этика избавляется от морального редуционизма, и это проявляется в том, что мораль отделяется от природы человека, «механики» эмоциональных реакций и влечений, «благоразумия», природы⁶ (в космическом или общебиологическом смысле слова), законодательства, социальной организации, познания и т.д. Дробницкий признавал, что «выделение этики в обособленную область изучения» [Дробницкий 2002⁶, 371] происходит с конца XVII в. прежде всего в Британии, а именно в кембриджском платонизме и теориях морального чувства. Однако по-настоящему задача теоретического определения морали решается в немецкой классической философии – Кантом и Гегелем. У них мораль была выведена в сферу спекулятивных построений разума и представлена в надлокальной, практически-универсальной форме [Дробницкий 2002^a, 64]. С достижением такого понимания морали начинается «специальная этическая теория».

Процесс становления современной этической теории, а стало быть, понятия морали Дробницкий рассматривает довольно пристально, и результаты этой работы заслуживают более подробного (насколько это возможно в рамках статьи) представления.

Дробницкий исходит из определенного понятия морали, сложившегося у него под воздействием ряда теоретических традиций. В этом понятии оказались оригинально скрещенными марксизм (исторический материализм, доминирование общих интересов над частными, историческая целесообразность), дюркгеймианство (социальный функционал моральных норм, регулятивный характер морали, приоритет группы над индивидом), гегельянство (идея абсолютного духа, трансформированная в историцизм) и, наконец, кантианство (автономия морального мотива, независимость моральной личности, универсальность морального императива). В самом общем смысле мораль – это особый способ социальной и нормативной⁷ регуляции поведения, ориентирующий на приоритет универсального над партикулярно-локальным. Считая такое понимание морали обобщенным выражением итогов многовекового развития моральной философии, Дробницкий вместе с тем полагает его в качестве инструмента для экспликации действительного содержания различных моральных теорий. Моральная философия на протяжении всей своей истории предстает устремленной к уяснению феномена морали в его социально-нормативной специфичности. Соответственно, задача историко-этического исследования заключается в том, чтобы выяснить и описать это интеллектуальное движение. Что Дробницкий и делает, стремясь проследить, как различные мыслители выделяют (или не выделяют) мораль из системы природы, общей механики поведения, духовной сферы и т.д., как описывают (или не описывают) ее социальный характер, как представляют (или не представляют) ее императивную природу.

Остается загадкой, почему Дробницкий при всем своем теоретическом интересе к императивности морали обошел вниманием концепции естественного права⁸. А ведь

на раннем этапе развития нововременной философии именно в теориях естественного права было высказано многое из того содержания, которое в течение следующих полутора столетий было ассоциировано с моралью в обобщенном философском значении этого понятия.

Невнимание Дробницкого к теориям естественного права особенно бросается в глаза в сравнении с картиной развития ранненовременной моральной философии, предложенной современным американским философом Стивеном Даруэллом. В панорамном рассмотрении ранненовременной моральной философии, проведенном в статье «Начала морали: добродетель, закон, обязанность» [Даруэлл 2017] теории естественного права оказываются отправным пунктом, а остальные типы этических теорий разбираются им сквозь призму теорий естественного права. Даруэлл не дает оснований думать, что есть некий концептуальный стандарт, в соответствии с которым проводится смотр этическим теориям Нового времени. Только принимая во внимание другие труды автора, в которых аналитически предъявляется понятие морали, по сути, императивистски-принципиалистское [Darwell 2013, 3–92], и сравнивая с ними заметные, хотя и не проговариваемые, установки в отношении морали в этой статье, мы можем предположить, каковы теоретические приоритеты Даруэлла в этом вопросе и постараться проследить их в проведенном историко-этическом обозрении.

Теории естественного права (Г. Гроция, Р. Пуфендорфа, Т. Гоббса, Дж. Локка) не просто хронологически заявляют о себе ранее других. Даруэлл считает, что они сыграли определяющую роль в становлении и развитии нововременной моральной философии. В них была выдвинута идея нормативного порядка, призванного ограничить частный интерес посредством социально вменяемых норм. В этом контексте получили развитие идеи вменения, основания обязанностей и их различия, ответственности и т.д., т.е. все те, которые впоследствии органично вошли в теорию морали как социально-нормативной регуляции. Соответственно, в ином свете предстают мыслители, например, Р. Кадворт, Шафтсбери, Г.В. Лейбниц или Б. Спиноза, чей вклад в развитие моральной теории Дробницкий оценивал не очень высоко в силу того, что они не придавали должного значения социально-нормативному фактору индивидуальных моральных решений. Мораль в их учениях соотносилась с разумным освоением человеком объективного порядка вещей (божественного или природного), который выступал если не нормативным стандартом, то рамкой самоопределения человека в качестве добродетельного субъекта. Косвенно с теориями естественного права полемизировал и Б. Мандевиль, одновременно выступавший против этического рационализма. Его заслуга заключалась в том, что он показал неоднозначность связи мотивов и результатов, а вместе с тем и значение последних для моральной оценки человеческих действий. Морально благие мотивы могут вести к социально неприемлемым результатам, и, наоборот, забота о собственном интересе, будучи правильно сориентированной, может стать основой для общественного процветания. От Мандевиля берет начало традиция, ведущая, отчасти через Д. Юма и А. Смита, к этическому утилитаризму. Альтернативу теориям естественного права Даруэлл усматривает также и в дискуссиях, которые шли в первой половине XVIII в. между сентименталистами (Ф. Хатчесоном, Дж. Батлером, Д. Юмом) и интеллектуалистами (С. Кларком, У. Уолластоном, Р. Прайсом, Т. Ридом). За этой дискуссией Даруэлл видит разногласия не только относительно моральной способности человека (посредством чувства или разума воспринимаются моральные различия), но и относительно начал самой морали — основывается ли она на добродетели или обязанности (что косвенно перекликается с ключевым аргументом Э. Энском [Anscombe 2001]).

К сожалению, Даруэлл не касается специально смысловых границ ранненовременной моральной философии. Его замечание, со ссылкой на Дж. Шнивинда [Schneewind 1998], о том, что она начинается со скептицизма (Монтеня и Гроция), можно интерпретировать как признание того, что поворот в моральной философии был опосредован падением авторитета церкви (как духовного, так и политического) и активизацией критического разума. Предположение о значимости этих изменений для формирования ранненовременной моральной философии прямого подтверждения в 38

статье Даруэлла не получает. Но ансамбль идей, последовательно складываемый Даруэллом в процессе обозрения выбранных им теорий, в целом вполне репрезентативен для ранненовременного представления о морали. Эти идеи не образуют стройной концепции, но они объединены общим дискурсивным контекстом, каким бы внутренне разнообразным и напряженным он ни был.

3

В связи с рассмотрением особенностей процесса концептуализации морали в ранненовременной философии заслуживает внимания следующее обстоятельство: притом что слово «мораль», как можно видеть, получает все более широкое употребление, развитие концепции морали (т.е. понимания той обозначенной в начале статьи предметной области, с которой к рубежу XVIII–XIX вв. стал ассоциироваться термин «мораль» и которая была отнесена к сфере этического) не всегда было связано непосредственно с проработкой собственно этого понятия. Последнее можно проиллюстрировать на материале учений Дж. Локка, Ф. Хатчесона и Д. Юма. У Локка и Юма имеет место целостное представление о морали: они говорят о морали вообще и обозначают термином «мораль» («моральное») те явления, которые существенным образом связаны с названной предметной областью. У Хатчесона иная картина: при концептуализации указанной предметной области используются не термины «morals», «morality» (имеющие в этике Хатчесона почти периферийный, вспомогательный характер), но другие, правда, более или менее связанные с ними лексически и семантически «moral sense» и «benevolence».

В трудах по истории ранненовременной моральной философии Дж. Локк упоминается прежде всего как критик теории врожденных идей и практических принципов, в связи с чем отмечается его влияние на моральную философию XVIII в. Позитивные идеи Локка относительно морали не привлекают значительного внимания [Schneewind 1994; Wilson 2007]. Между тем, хотя «Опыт о человеческом разумении», по существу, посвящен теоретико-познавательным проблемам, почти каждое философское рассмотрение в нем Локк доводит до этической спецификации. Одно из таких развивающихся в этике рассуждений – о моральных отношениях, посредством которых действия соотносятся с моральными законами. Как было сказано выше, в центре этического учения Локка мораль как таковая. Не добродетели (как это было в традиционной этике и как будет еще на протяжении последующих 40–50 лет), не обязанности, как в традиции естественного права, к которой Локк имеет непосредственное отношение, а именно мораль.

Анализ «Опыта» с помощью словарно-частотного метода позволяет сказать, в каких терминах философ по преимуществу рассуждает о морали. Слова «morality» и «moral» употреблены в нем 138 раз, Это значительно больше таких слов как «virtue» (81, вкуче с «virtuous» – 86), «justice» (40), «obligation» (17) или «rectitude» (11). Иногда Локк мыслит в терминах добродетелей, но термины «morality», «moral» преобладают.

В «Опыте» целостное определение морали: «Моральное добро и зло есть... лишь согласие или несогласие наших сознательных действий с некоторым законом... Мораль есть отношение действий к этим нормам» [Локк 1985, 405, 410]⁹, – дается Локком в связи с описанием трех видов моральных законов. Это божественные законы, которые задают меру греха и долга, правильного и неправильного; гражданские законы, которые задают меру преступления и невиновности по отношению к устанавливающей их власти, и законы «общественного мнения, или доброго имени», которыми определяется мерило добродетели и порока [Локк 1985, 406–407]. Хотя моральные отношения ориентируют на божественные, на гражданские законы и законы общественного мнения, они моральные, потому что являются предметом свободного выбора разумного человека. Будучи едиными, моральные законы различаются по источнику, или авторитету, их устанавливающему (Божество, общество или общественное мнение), видам принуждения и сфере применения. Иными словами, на разных уровнях морали императивные представления имеют различные источники авторитета и силы и отражают разные стороны моральной практики; в этом смысле мораль качественно разнородна. В описании законов мнения Локк демонстрирует очень точное понимание того, как

работает мораль. Она лишена силы принуждения и действует через общественное мнение, которое, как полагает Локк, сильнее санкций имеющего право на применение силы государства. Люди отстаивают свои интересы, воздействуя друг на друга, высказывая свои мнения относительно действий других и выражая ожидания. Представления о добродетели и пороке формируются в процессе непосредственного взаимодействия людей. Законы мнения — результат человеческого общения. Люди высказывают одобрение и осуждение не произвольно, но под влиянием складывающихся взаимных отношений. Их взаимность нейтрализует возможный релятивизм их суждений и ожиданий и создает условия для надперсональности суждений и норм, закрепляемых в традиции. Таким образом, Локк не просто говорит о морали как таковой, но, находясь в русле нормативного понимания морали, мысля о ней в терминах законов, он по поводу одного из аспектов морали, а именно законов мнения или репутации, дает довольно специфическую характеристику, которая в последующей моральной философии будет распространена на мораль в целом.

Наметившаяся у Локка тенденция к обобщенному толкованию понятия морали получает дальнейшее развитие у Д. Юма. Мораль для него уже определенно не синоним добродетели или закона. Юм продолжает говорить о добродетелях, но добродетели для него — это частный момент морали. О важности понятия морали для Юма свидетельствуют результаты лексически-частотного анализа. «Morality» вкупе с «morals» и «moral» употребляется во второй и третьей книгах «Трактата» 250 раз, между тем как «virtue» — 215 раз, а «sympathy» — 151 раз [Hume 2006].

В моральной философии Юма (как она представлена в «Трактате о человеческой природе») значительная роль принадлежит понятию симпатии — оно специально вводится, определяется, описывается. Однако при всей важности понятия «симпатия», этот термин нигде не выносится на уровень заголовка книги или главы. Термин же «мораль» выведен на уровень заголовка книги III. Однако понятию «мораль» не дается определения; его содержание подразумевается, оно как будто бы проясняется в разных контекстах, иными словами, оно оставлено для самостоятельной читательской реконструкции.

Термином «мораль» Юм обобщенно обозначает особого рода способности, мотивы, действия, оценки, эмоции, отношения в их совокупности. Они сориентированы на общие (Юм чаще говорит именно об общественных — public) интересы и общее благо. Эти феномены объединены определенным и ясным для Юма ценностно-императивным содержанием. Он понимает, что говоря о них, он строит «систему этики». Правда, ни сам по себе феномен морали, ни понятие «мораль», ни место последнего в «системе этики» не становятся для него предметом отдельного рассмотрения. Отход от языка добродетелей в выделении предметности этики — важное обстоятельство в морально-философской мысли Юма, однако оно не стало предметом его рефлексии.

При этом заслуживает внимания, что проблема моральной автономии не представляется для Юма сколь-нибудь актуальной и этически значимой. Юм тем самым просто выпадает из доминирующей тенденции в ранненовременной моральной философии¹⁰.

Хотя как психолог, антрополог и нравоописатель Юм живо интересуется идентичностью и достоинством человека, образом Я, способами и средствами их утверждения, как теоретик морали он гораздо более обеспокоен поддержанием состояния примиренности между людьми, будь то члены дружеского кружка или общества. Поэтому моральный агент предстает у Юма в образе незаинтересованной, любезной, благовоспитанной, солидарной, справедливой, благожелательной личности. Надо признать, что Юм — один из немногих ранненовременных моральных философов, для которых взаимодействие между людьми является важным проявлением морали, а моральные отношения представляются им как отношения партнерства, обоюдности, дополнительности, взаимной благожелательности.

Старший современник Юма Ф. Хатчесон — один из тех моральных философов XVIII в., которые непосредственно предшествовали Канту в осмыслении феномена морали. Отличаясь от Канта в понимании когнитивных и психологических характеристик морали, Хатчесон определенно и последовательно представил мораль как сферу автономии индивида.

Лексически-частотный анализ второго трактата «Исследования о происхождении

наших идей красоты и добродетели»¹¹ показывает, что один из наиболее используемых терминов – «virtue»; он употребляется 155 раз, причем в 15 случаях в заголовках глав и маргиналиях. «Moral sense» и другие «чувства» используются 127 раз, причем в 17 случаях в заголовках глав и маргиналиях. Но наиболее часто встречающийся термин – «benevolence» (вкуче с «benevolent»): 229 раз, включая 10 раз в заголовках глав и маргиналиях. В сравнении с этим частотность употребления слов «morality» и «morals» существенно ниже; соответственно, 12 раз (включая 5 в заголовках глав и маргиналиях) и 5 раз (из них 3 в заголовках глав и маргиналиях). Термин «morals» используется в названии главы IV, и, судя по содержанию главы, мы можем сказать, что «morals» – это сфера одобрений и осуждений вообще; в их основе могут лежать самые разные критерии, за исключением изображений корысти. Morality – это качество чего-либо (по преимуществу или даже исключительно действий и их последствий) с точки зрения соотношения добра и зла.

Анализ контекстов понятий «morality» и «morals» показывает, что в них мы не находим характеристик, коррелирующих с идеей автономии Канта, в частности как она выразилась в принципе категорического императива. Однако они обнаруживаются, когда Хатчесон обсуждает моральное чувство и благожелательность, особенной характеристикой которых, неоднократно им артикулируемой, является то, что их активность не зависит от разума, знания, образования, обычая, примера, религии и т.д. Иными словами, то, что мы сегодня ассоциируем с существенными качествами морали (в разных ее проявлениях), у Хатчесона атрибутировано определенным феноменам, а именно моральному чувству и благожелательности. Выходит, собственно моральное – с современной точки зрения – содержание концептуализируется у Хатчесона с помощью терминов «моральное чувство» и «благожелательность», а не посредством термина «мораль». Вместе с тем читатели Хатчесона, в том числе и оппонировавшие ему, были уверены, что Хатчесон говорит о морали. Об этом мы можем судить по реакции на Джона Кларка (из Халла), который в своих остро полемических заметках по поводу «Исследования» прямо высказывает свое отношение к пониманию Хатчесоном *морали*, как оно было выражено в учении о *благожелательности*. Да и книга Кларка носила красноречивое название: *The Foundation of Morality in Theory and Practice*. Да и сам Хатчесон был уверен, что говорит о морали, на что указывает его благодарность Э. Сингу за «несколько правильных поправок к общей схеме морали» [Хатчесон 1973, 50]. «Схема морали» довольно ясна у Хатчесона. Она состоит из (а) действий, направленных на общее благо (в первую очередь), на благо другого и на собственное благо (в той мере, в какой благо лица является условием и частью общего блага), (б) мотивации таких действий, а именно благожелательности, (в) способности воспринимать такие действия и мотивы и рефлексировать относительно их, и эта способность – моральное чувство как «предопределенная способность ума воспринимать любую идею от присутствия предмета, представленного нам, независимо от нашей воли» ([Хатчесон 1973, 133]; перевод уточнен по: [Hutcheson 2004, 90]).

4

Предложенный выборочный обзор иллюстрирует некоторые моменты в процессе концептуализации феномена морали в ранненовременной философии. Выделим в более общем плане некоторые тенденции в этом процессе.

Основополагающая тенденция – оппозиция теономному пониманию морали, т.е. такому, при котором источник морали полагается в Боге, а нормативный порядок мыслится обусловленным волей Бога. Было бы преувеличением считать, что эта тенденция была всеохватной в том смысле, что она постепенно наполнила собою всю философскую мысль. Теономное мышление сохранялось, и до конца оно никогда не было преодолено. Но оппозиция теономии сложилась, она получила распространение и в конечном счете заняла доминирующее положение, став одним из проявлений общего процесса секуляризации западноевропейской культуры в Новое время. Эта оппозиция прослеживается явно у Б. Спинозы, Шафтсбери, Б. Мандевилля, Д. Юма, Гольбаха. При этом если, к примеру, у Гольбаха она не только открыто заявляется, но и демонстрируется в едкой

критике христианского морального учения, развенчании морали как религиозной морали и ее замещении моралью, основанной на «здравом смысле» и «разумном эгоизме», то, к примеру, у Юма она проводится «молчаливо» и доводится до логического конца самим порядком мысли, укоренявшей добродетели, моральные решения и суждения в человеке, в условиях его существования. В косвенной форме эта оппозиция встречается и у мыслителей, чья религиозность не вызывает сомнения, например, у Ф. Хатчесона, С. Кларка, Г.В. Лейбница или И. Канта. Не подвергая сомнению божественный авторитет и заданность морали божественной волей или трансцендентным началом, эти мыслители как в описании морали и ее действенности, так и в объяснении механизма признания моральных правил человеком и оснований их принятия, указывают на имманентные факторы морали, естественные предпосылки вменяемости личности, ее добродетельности и ответственности.

Оппозиция теонормной этике требовала нового взгляда на источник повелевающей силы моральных представлений, на условия возможности морали, условия ее возможности в самом человеке — благодаря чему он оказывается способен к восприятию моральных различий и выражению своего отношения к ним. В качестве такого источника разные мыслители указывали природу, разум, общительность (коммуникативность), естественные потребности, просвещенный личный интерес. В качестве условий возможности морали — порядок мироустройства, природу человека как духовного существа, природные задатки, социальное управление, воспитание, личное самосовершенствование. В качестве «моральной способности» — разум (понимание), чувство, совесть (сердце).

Вопрос о моральной способности приобретал актуальность вследствие отказа от идеи благодати как необходимой предпосылки моральности личности. Личность признавалась моральной, если она самоопределяется благодаря развитому самосознанию, адекватному самопониманию, критической саморефлексии, изменению себя. Данные характеристики субъекта считались возможными при условии актуализации им своего разума. Не все мыслители считали актуализацию разума достаточной для полноценной моральной самореализации личности. Некоторые убеждены, что без приобщения человека к культуре и усвоения им опыта общения (каждодневного продуктивного общения, а также наставительного, воспитывающего общения, общения с духовно одаренными натурами) рациональное самоопределение не приведет к морали. Будучи независимой от социального давления, моральная личность обращена к другим, благожелательна и добродетельна. Благодаря моральной способности человек имеет возможность постигать моральное; обладая ею, он включается в порядок взаимоотношений между людьми, на котором держится пространство морали, сохраняет и совершенствует его. Иными словами, внутренний и внешний опыты личности предстают соединенными неразрывно.

Обратной стороной идеи личности как субъекта моральной способности была идея ее самоценности. В нововременной философии достоинство понимается как индивидуальное практическое выражение способности индивида к свободному выбору, самостоятельному и осознанному самоопределению. Это качество, обусловленное не родовитостью и социальным положением, а личными заслугами человека перед обществом и другими людьми, т.е. тем, что ценится независимо от происхождения, социального статуса и т.д.

В трактовке достоинства как заслуги еще может проследиваться обсуждение смысла жизни и предназначения человека, но в гораздо большей степени в ней выражается понимание автономии моральной личности. Моральное в этом контексте предстает принципиально отличным от социальных и социально-психологических факторов поведения, таких как групповое давление, влияние авторитета, социальные привычки, ситуационная уместность, а их оборотной стороной являются лояльность, подражательность, конформизм, адаптивность. Вне зависимости от факторов такого рода раскрывается моральность человека, которая существенным образом проявляется в универсализуемости моральных суждений и решений. Ограничение источников моральных решений связано с их отделением от утилитарных, пруденциальных, гедонистических мотивов, в конечном счете с утверждением свободы и самостоятельности

воли, имеющей лишь то смысловое ограничение, что это добрая воля и самозаконодательная воля — воля, устанавливающая законы для самой себя.

Формирование философского понятия морали происходило в процессе преодоления синкретизма ценностно-императивного сознания — выделения феномена морали и спецификации его по ряду признаков. Например, по признаку нормативности (императивности) путем сравнения моральных норм (правил) с установленными (государственными) и стихийно сложившимися (негосударственными) формами нормативности. Или по характеру внутреннего опыта в сравнении с религиозным и художественным опытом. А также по характеру волеизъявления, принятия решений (прежде всего в деловой и политической практике).

Ранненовременная моральная философия вдохновляется раскрепощением человека, утверждением его самодостоверности, раскрытием его способности к самоорганизации и самосовершенствованию, проявляющимся в процессе разумного освоения природы и справедливого устройства общества. Возможные конфликты и трудности в этом процессе замечаются, но не признаются неизбежными. Пафос оптимизма, какими бы оговорками он ни ограничивался, органичен для ранненовременной моральной философии. Он еще будет сохраняться и в поздненовременной философии, но надежды на возможность осуществления морального идеала в настоящем, которыми были воодушевлены мыслители-гуманисты и просветители, отступят на второй план. Кант, как мы видели, чаще всего причисляется к раннему этапу нововременной философии. Однако своей критикой разума (по природе совершенно иной, чем критика разума и его роли в морали у Хатчесона и Юма) он знаменует поворот к поздней стадии нововременной философии. Начиная с Канта, философия делает себя предметом рефлексии, взыскательной и нелицеприятной. Она начинает осознать себя в качестве нововременной (ср. [Артемьева 2011, 191–192]). Посредством этого осознания она достигает максимально возможной полноты своей зрелости, в особенности на почве немецкого идеализма. Это хорошо видно по моральной философии.

Важно при этом не упустить, что обобщенное понятие морали в основных своих чертах формируется на ранней стадии нововременной философии. Формируется постепенно — на разных мыслительных площадках и по поводу предметно-разных тем, получая различное терминологическое обрамление и по-разному проблематизируясь. Оно воплощается в понятиях морали не непременно императивистского толка, и приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что актуальны были и другие, неимперативистские, интерпретации морали, в частности, такие, которые акцентируют внимание на коммуникативных характеристиках морали. В процессе становления обобщенного понятия «мораль», по сути дела, происходит переход от моральной философии, основным предметом которой являются добродетели, к моральной философии, предметным фокусом которой является мораль. Это изменившее концептуальную конфигурацию понятие морали охватывает, наряду с добродетелями, законы, обязанности, способности. И уже так понимаемая мораль соотносится с другими инструментами поведенческой ориентации. Замещение этики, сфокусированной на добродетели, этикой, сфокусированной на морали, отнюдь не очевидно. Но в самом общем плане оно знаменует переход от рассуждения о хорошей жизни (доброе — зло, добродетели — пороки, счастье — несчастье) к рассуждению о природе моральных ценностных и нормативных представлений, о способах их восприятия и характере воплощения на практике. В этом контексте и вырабатывается теоретически специальное понятие морали.

Примечания

¹ Понятие раннего Нового времени (англ. Early Modernity) по отношению к истории мысли, как и всеобщей истории, трактуется по-разному. Например, в книжной серии «Оксфордские исследования по ранней новременной философии» им обозначается приблизительно период развития европейской мысли между Декартом и Кантом [Garber, Nadler 2003–2015]. В кембриджской антологии [Rutherford 2006]) нижняя граница этого периода отодвигается к более раннему времени и растягивается – начало раннего Нового времени ассоциируется с Монтемом и Бэконом наряду с Декартом; растягивается и верхняя граница – наряду с Кантом указывается и Юм. Ю. Хабермас, вслед за Гегелем и Шеллингом, указывает на 1500 г. в качестве поворотного от Средневековья к Новому времени; этот поворот знаменуют Ренессанс и Реформация [Хабермас 2008, 11]. Подборка текстов на сайте *Some Texts from Early Modern Philosophy* начинается с Н. Макиавелли и заканчивается Г. Сиджвиком (<http://www.earlymoderntexts.com>). А эссе А. Боргини о ранненовременной философии имеет вызывающий подзаголовок: «От Аквината до Канта» [Borghini 2017]; пусть даже при этом всего лишь имеется в виду, что первые признаки становления нового мышления прослеживаются уже в схоластике. Понятно, что хронологические маркеры формальны, определяющими являются качественные характеристики, которые исследователи выделяют в новременной философии и по которым внутри ее проводят разделение между ранней и поздней философией Нового времени.

² Об эволюции значения термина «moralitas» и его содержательном освоении в моральной философии см. в обстоятельной статье А.А. Сочилина [Сочилин 2015]. См. также [Вдовина 2008].

³ Отдельные аспекты этого процесса отражены в: [Артемова 2010].

⁴ Макинтайр обсуждает моральную философию Нового времени, исходя из убеждения, что предпринятая в ней попытка замещения в обосновании морали нуминозного начала рациональным потерпела фундаментальную неудачу. Разбор этого интересного вопроса выходит за рамки данной статьи.

⁵ Задача спецификации морали решалась Дробницким на основе родовидового анализа морали – в сравнении с обычаями, правом и другими формами нормативной регуляции по параметрам, отражавшим структуру последней [Дробницкий 2002^a].

⁶ Дробницкий противопоставлял природе как «частному» и эмпирическому сущностно-универсальное. Однако надо отметить, что если не сводить природное к эвфемистическому обозначению неких социальных реалий, апелляция к природе как раз и может быть объяснена как попытка выяснения надлокального фактора поведения человека, что Дробницкий и связывал с моралью.

⁷ О социальном и нормативном аспектах регуляции поведения см. [Апресян 2018].

⁸ Термин «естественное право» ни разу не упоминается Дробницким. «Естественные законы» обсуждаются им лишь при разборе учения Гоббса. По-видимому, и «закон природы» в кантовских формулировках категорического императива воспринимался им как метафора «ньютоновского» закона, а не в духе «естественных законов» Цицерона, Гроция или Гоббса.

⁹ Перевод изменен. Сопоставление определений в параграфах IV и XIV главы XXVIII книги II позволяет сделать вывод о том, что «мораль» тождественна «моральным отношениям».

¹⁰ Традиционно, под влиянием Канта, статус проблематики автономии в новременной моральной философии признается весьма высоким [Schneewind 1998]. Однако, учитывая, какое место занимает Юм в истории новременной моральной философии, а также его невнимание к проблематике автономии, уместно поставить вопрос о пересмотре статуса этой проблематики.

¹¹ Первый трактат «Исследования» посвящен вопросам эстетики, второй – «источнику наших идей добродетели и морального блага».

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Локк 1985 – *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении / Пер. с англ. А.Н. Савина // Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 1 / Ред. И.С. Нарский. М.: Мысль, 1985 [Locke, John, *An Essay Concerning Human Understanding*, Russian Translation].

Хатчесон 1973 – *Хатчесон Ф.* Исследование о происхождении наших идей красоты и добра / Общ. ред., вступит. ст., комм. Б.В. Мееровского; Пер. с англ. Е.С. Лагутина // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М.: Искусство, 1973 [Hutcheson, Francis, *An Inquiry Concerning the Original of our Ideas of Virtue or Moral Good*, Russian Translation].

Clarke, John (of Hull) (1726) *The Foundation of Morality in Theory and Practice*, Printed by Thomas Gent, York.

Hume, David (2006) *Moral Philosophy*, ed., with Introduction, by G. Sayre-McCord. Hackett Publishing Company, Inc., Indianapolis.

Hutcheson, Francis (2004) *An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue*, ed. and with an Introduction by W. Leidhold, Liberty Fund, Indianapolis.

- Апресян 2001 – *Апресян Р.Г.* Идейные истоки новоевропейского понятия «мораль» // Вестник Московского ун-та. Сер 7. Философия. 2001. № 1. С. 36–47.
- Апресян 2018 – *Апресян Р.Г.* Нормативная регуляция поведения // Человек. 2018. № 2. С. 5–19.
- Артемьева 2010 – *Артемьева О.В.* Формирование этического языка (на материале новоевропейской этики) // Философский журнал. М.: ИФ РАН, 2010. № 2. С. 111–121.
- Артемьева 2011 – *Артемьева О.В.* Английский этический интеллектуализм XVIII–XIX вв. М.: ИФРАН, 2011.
- Вдовина 2008 – *Вдовина Г.В.* «Моральное бытие» и лингвистические знаки в постсредневековой схоластике // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 130–141.
- Даруэлл 2017 – *Даруэлл С.* Начала морали: добродетель, закон, обязанность // Этическая мысль. 2017. № 1. С. 18–47.
- Дробницкий 2002^a – *Дробницкий О. Г.* Понятие морали: Историко-критический очерк // Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избранные труды / Сост. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. С. 11–344.
- Дробницкий 2002^b – *Дробницкий О.Г.* Философия и моральное воззрение на мир // Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избранные труды / Сост. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. С. 345–404.
- Йодль 1896 – *Йодль Ф.* История этики в Новой философии. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1896. Т. I.
- Сочилин 2015 – *Сочилин А.А.* Формирование понятия «мораль» в европейской философии XVII в. // Философия и культура. 2015. № 11. С. 1682–1690.
- Уотлз 2016 – *Уотлз Дж.* Золотое правило / Пер. О.В. Артемьевой. Общ. ред. и предисл. А.А. Гусейнова. М.: Институт гуманитарных исследований, 2016.
- Хабермас 2008 – *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне: Двенадцать лекций. Изд. 2-е. М.: Весь мир, 2008.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 11. P. 35–46

Towards Conceptualization of Morality in the Early Modern Philosophy

Ruben G. Апресян

In the Early Modernity (16th to 18th centuries) moral philosophy goes through severe changes – growing opposition to a theonomous approach to morality, new attitude to normative force of moral ideas, the conditions of morality, an ability of the person to moral mode of thinking, a criterion of moral distinctions, etc., moral philosophy shifts its subject matter and the understanding of the sphere of ethics. However, the advancement in the content associated with the sphere of ethics is not always connected with elaboration of the idea of morality as such. A generalized concept of morality is taking its shape gradually – on various discursive sites, in regard to different topics, in a form of diverse terms and conceptions. On the whole, in the course of development a generalized concept of morality in the Early Modernity moral philosophy swings in its focus from virtues to morality, which becomes its true? Though abstract and uncertain subject matter.

KEY WORDS: Early Modern Moral Philosophy, ethics, concept of morality, Natural Law theories, theonomous ethics, moral ability, Friedrich Jodl, Alasdair MacIntyre, Oleg Drobniatsky, Stephen Darwell.

APRESSYAN, Ruben G. – DSc in Philosophy, Chief Research Fellow, Head of Department. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

apressyan@iph.ras.ru

Received on May 2, 2018 г.

Citation: Apressyan, Ruben G. (2018) 'Towards Conceptualization of Morality in the Early Modern Philosophy', *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2018), pp. 35–46.

DOI: 10.31857/S004287440001892-6

References

- Anscombe, Gertruda Elizabeth M. (2001) 'Modern Moral Philosophy', *Analytic philosophy: An Anthology*, ed. by A.P. Martinich, D. Sosa, Blackwell Publishers, Malden (Mass), Oxford, pp. 381–392.
- Apressyan, Ruben G. (2001) 'The Conceptual Roots of the Modern Notion of Morality', *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 7: Filosofia*, Vol. 1 (2001), pp. 36–47 (In Russian).
- Apressyan, Ruben G. (2018) 'Normative regulation of behavior', *Chelovek*, Vol. 2 (2018), pp. 5–19 (In Russian).
- Artemyeva, Olga V. (2010) 'The Formation of Ethical Terminology', *Filosofskij Zhurnal*, Vol. 5, No. 2, pp. 111–121 (In Russian).
- Artemyeva, Olga V. (2011) *English Ethical Intellectualism of the 18th and 19th Centuries*, Institute of Philosophy, Moscow (In Russian).
- Borghini, Andrea (2017) 'Early Modern Philosophy', *ThoughtCo.*, Aug. 2017, thoughtco.com/early-modern-philosophy-2670496.
- Brady, Michelle E. (2003) 'Locke's "Thoughts" on Reputation', *The Review of Politics*, Vol. 75, № 3, pp. 335–356.
- Darwall, Stephen (2007) 'The Foundations of Morality: Virtue, Law, and Obligation', *The Cambridge Companion to Early Modern Philosophy*, Ed. D. Rutherford, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 221–249 (Russian Translation 2017).
- Darwall, Stephen (2013) *Morality, Authority, and Law: Essays in Second-Personal Ethics I*, Oxford University Press, Oxford.
- Drobnitskiy, Oleg G. (2002^a) 'The Concept of Morality: A Historical-critical Essay', Drobnitskiy O.G. *Moral Philosophy: Selected Works*, Gardariki, Moscow, pp. 11–344 (In Russian).
- Drobnitskiy, Oleg G. (2002^b) 'Philosophy and Moral World Outlook', Drobnitskiy O.G. *Moral Philosophy: Selected Works*, Gardariki, Moscow, pp. 345–404 (In Russian).
- Garber, Daniel, Nadler, Steven, eds. (2003–2015) *Oxford Studies in Early Modern Philosophy*, Vols. I–VII, Clarendon Press, Oxford.
- Habermas, Jürgen (1986) *Die philosophische Diskurs der Modern, Zwölf Vorlesungen*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main (Russian Translation 2008).
- Jodl, Friedrich (1882) *Geschichte der Ethik als philosophischer Wissenschaft, 1 Band*, Cotta, Stuttgart (Russian Translation 1896).
- McInerny, Ralph M. (1997) *Ethica Thomistica: The Moral Philosophy of Thomas Aquinas*, Catholic University of America Press, Washington, DC.
- MacIntyre, Alasdair C. (2007) *After Virtue: A Study in Moral Theory, 3d ed.*, University of Notre Dame Press, Notre Dame.
- Rutherford, Donald, ed. (2006) *The Cambridge Companion to Early Modern Philosophy*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Schneewind, Jerome B. (1994) 'Locke's Moral Philosophy', *The Cambridge Companion to Locke*, ed. V. Chappell, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 199–225.
- Schneewind, Jerome B. (1998) *The Invention of Autonomy: A History of Modern Moral Philosophy*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Sochilin, Andrey A. (2015) 'The Formation of Concept "Morality" in the 17th Century European Philosophy', *Filosofia i kultura*, No. 11, pp. 1682–1690 (In Russian).
- Vdovina, Galina V. (2008) '"Moral being" and Linguistic Signs in Post-mediaeval Scholastics', *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2008), pp. 130–141 (In Russian).
- Wattles, Jeffrey (1996) *The Golden Rule*, Oxford University Press, New York, Oxford (Russian Translation 2016).
- Wilson, Catherine (2007) 'The Moral Epistemology of Locke's Essay', *The Cambridge Companion to Locke's 'Essay Concerning Human Understanding'*, ed. L. Newman, Cambridge University Press, Cambridge, pp. 381–405.